

Ак - Патр Чугашвили

Как это будет?

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ак – Патр Чугашвили
Как это будет?

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Чугашвили А. А.

Как это будет? / А. А. Чугашвили — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Ответ на этот вопрос волнует всех, кто интересуется политикой. Автор даёт свою версию развития событий, прекрасно понимая, что возможны и другие варианты...Содержит нецензурную брань.

© Чугашвили А. А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

I	5
II	9
III	12
IV	15
V	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

I

9:00

Плотные сгустки чернильной ночной темноты нехотя растворялись под лучами белёсого зимнего солнца. Немногочисленные прохожие неспешно трусили по побелевшему от мороза асфальту, громко шкрябая обледеневшую поверхность подошвами стоптанных сапожищ. Сержант Синдеев вздрогнул и проснулся. Некоторое время он тупо тарасил глаза на прохожих, затем зажмурился и встряхнулся всем телом, словно вылезшая из воды собака.

– Соберись, тряпка! – взбодрил он сам себя и несколько раз хлопнул себя ладонями по щекам. Остановившийся рядом с патрульной машиной дед пристально наблюдал за действиями сержанта. Каждый раз, когда сержант хлопал себя по щеке, дед одобрительно притопывал правой ногой и негромко хихикал. «Так! Так! Вот так! Сильнее! Кулаком давай, чего ты гладишь себя как девка?»

Синдеев увидел стариковские кривлянья и поперхнулся внезапно набежавшей слюной. Он быстро опустил стекло и злобно проорал:

– Ты! Ты чего тут? Э?

Дед злобно ощерился, при этом из его рта вырвался густой клуб пара, что придало ему сходство со старым бэушным драконом, и неспешно спросил:

– Помощь нужна? А то я с удовольствием...

Синдеев прицельно плюнул, стараясь попасть как можно ближе к ногам старика, и негромко процедил:

– Иди отсюда, добровольный помощник нашёлся...

Дед отвернулся и прошёл несколько шагов, затем он резко остановился, повернулся к Синдееву и сымитировал пощёчину, продолжая скалить здоровенные желтые зубы. Синдеев закрыл окно и грубо ткнул локтем в бок своего напарника.

– Съш! Просыпайся, бле!

Сержант Буклетов ойкнул и схватился за ушибленный бок. Минуты полторы ушло у него на то, чтобы сфокусировать взгляд на напарнике. Окончательно проснувшись, он прохрипел:

– Чиво... чиво случилось-то?

– Да «ничиво»! Конец смены скоро, а мы с тобой «ничиво» не заработали... Придётся позориться и брать деньги из банкомата... Тьфу, как противно! Давай, подъезжай к банку... пойду, выставлю себя на посмешище...

Буклетов лихо подрулил ко входу в банк и дурашливо приложил пальцы к шапке.

– Ваше приказание выполнено, господин главвер... главкомандующий...

Синдеев натянул напарнику шапку на нос и вылез из машины, громко хлопнув дверью. Бодрой походкой хозяина жизни он подошёл ко входу в банк и резко дёрнул дверь на себя. Дверь не поддавалась. Синдеев дёрнул сильнее, дверь отворилась, и откуда-то сверху, с грохотом ударив сержанта по лбу, упало новёхонькое эмалированное ведро.

8:20

У входа в «Гоп-стоп-банк» жались друг к другу, трясаясь от холода, две сотрудницы. Девчонки сильно замёрзли, но, несмотря на мороз, продолжали жадно курить, наслаждаясь редкой возможностью пообщаться вне стен банка.

– А я ей говорю: я не буду выплачивать недосдачи...

– Недостачи, – машинально поправила её собеседница, – не «недосдачи», а недосдачи...

– А? Что?

– Не-до-ста-чи! – по слогам пропела девушка.

– А мне пох...! – так же напевно ответила ей другая.

Подруги громко расхохотались и синхронно выпустили дым из лёгких. Одна из них, более приземистая и массивная, смачно плюнула на землю и продолжила:

– Чё она меня постоянно пугает – «волчий билет, волчий биле-ет»?! Что это вообще такое? Что она... Ой! Пепел уронила на юбку! Мать твою! Вот это дыра! Пол-ляжки видно... А рабочий день ещё не начался... Чего делать-то?.. Ладно... Так вот... О чём я? А! Эта дура старая грозит мне постоянно – «волчий билет»! Да срать мне на тебя и твой билет! Меня Лёлик в «БНП Пармба» зовёт, вот уйду туда, и аля-ую! А! А ещё она меня пугает этим... ну, как его... да знаешь ты его... человек-хер... м-м-м... Херр-мэн Треф! Во! Ну, тот самый дебил, который нацепил на себя садо-мазо-причиндалы и пришёл в наше отделение кредит получать в сопровождении целой кофлы журналистов... смешной такой... Да? Так вот, она мне постоянно зудит с этими своими подвываниями... Ну, ты знаешь её манеру, – девица закатила глаза под лоб и, выпятив губы, завывала: – А штоу, мил-л-лочка, ви будите делат-ть... эсли к вам в отделение зайдь-от сам! Сам! Сам Херр... то есть Херр-мэн Треф! И попросит оформить ему кредит. А?

– Ну, а ты чё?

– Я? Я ей говорю: «Я отведу его в нашу подсобку, ну, туда, где щиток искрит уже полгода, сука электрик сказал – «временку вам сделаю, чтоб вас не поубивало», – и ушёл, вот туда отведу и попрошу его, чтоб он свои паучьи лапки в щиток сунул, авось его ёбнет током, и кредит ему больше не понадобится...

– Ха-ха... чё? Пряма так и сказала? В натуре? Врёшь! Ну, врешь ведь, признайся!

– Не вру, бля буду... Ой! Смотри, это же он!

– Кто?

– Да дятел этот... Треф!

Подруги с ужасом смотрели на человека в диковинном экзокостюме, приближавшегося ко входу в банк. Человек двигался неспешно, совершая механические движения, позвякивая железными деталями при ходьбе. Его лицо закрывали огромные черные очки и необычного вида гарнитура. Руки были затянuty в длинные, до локтя черные перчатки, грудь обтянута жилетом с вертикальными карманами. Жилет сильно напоминал пояс шахида. Лицо человека было болезненно бледным и отдавало синевой. В целом он производил впечатление человека, измученного сексуальным воздержанием: осторожные неспешные движения, мучительно-брезгливое выражение лица человека, опасавшегося впустую израсходовать драгоценную семенную жидкость, разбрызгать её при неловком движении, – перед подругами был явный извращенец. Быстро потушив сигареты, девушки бросились ко входной двери в банк, громко и восторженно визжа:

– Шухер! Треф!

Обладатель диковинного костюма неспешно дошёл до входа в банк, зашёл за первую остеклённую дверь, совершил с дверью какие-то манипуляции и скрылся внутри.

9:01

Буклетова согнуло от хохота – настолько забавным было выражение лица напарника, после того как ему в лоб угодило ведро, что сержант не смог удержаться от смеха. Синдеев кинул на напарника злобный взгляд и попытался открыть вторую дверь, отделяющую предбанник от банкоматов. Дверь поддавалась с трудом, Синдеев поплотнее взялся за дверную ручку, и в этот момент он заметил натянутую на высоте щиколотки проволоку. Сержант был человеком, который «поучаствовал» в своё время, поэтому он сразу понял, что мешает ему открыть дверь к заветным деньгам. Синдеев (не отпуская двери) аккуратно бросил взгляд внутрь банка и увидел человека в нелепом костюме, стоящего в центре зала. Человек пафосно растопырил руки и громко кричал. Сквозь неплотно запёртые двери до слуха сержанта донеслось: «Cone `ngrato...»

Синдеев быстро присел, развернулся на каблуках и, пригнувшись, добежал до машины. Обалдевший от увиденного Буклетов ткнул напарника пальцами в плечо.

– Ты чё? Привидение увидел? Ты...

– Заткнись! Там шахид, орёт что-то на арабском, а на двери растяжка – это ИГИЛ, бля!¹ Бородатые пидорюги сюда добрались! Дай рацию! Дай сюда, говорю! Дежурный, это третий! У нас тут захват заложников! В помещении «Гоп-стоп-банка» на Коровинском! Повторяю, захват заложников! Вызывайте спецназ! Сапёров! Срочно!

Через несколько минут утренние сумерки окрасились в голубые цвета полицейских мигалок, депрессивно завывли сирены. Синдеев блаженно

зажмурился – громкий топот ног, обутых в казенные ботинки, матерные крики командиров, хриплый лай служебных собак... Вся эта какофония привела сержанта в состояние, близкое к экстагическому. Он закрыл глаза и начал неспешно покачиваться взад-вперёд, представляя себе, как он врывается в помещение банка и бьёт террориста прямым в челюсть... Хруст выбитых зубов, мелкими жемчужинами рассыпавшихся по полу, кровавые сгустки на костяшках пальцев, визгливые стоны террориста...

– Дрочишь? – бестактный тычок в ребра вырвал Синдеева из забытья, Буклетов участливо смотрел на напарника.

– Пошёл ты! Козел шерстяной!

– Скажите, пожалста! Какой обидчивый! Знаешь, чего с обиженными делают?

– Ебут! Тебе ли не знать!

– Что-о-о? Ты на что намекаешь? Ты...

Разгорающийся конфликт пресёк громкий начальственный голос:

– Сержант, ко мне!

Синдеев трусцой подбежал к человеку с большими звёздами на погонах и кратко доложил о происшествии. Золотопогонник покровительственно похлопал сержанта по плечу.

– Сынок, ты далеко пойдёшь! Сразу распознал шахида! Молоток!

В специально оборудованном автомобиле переговорщик громко выдохнул и набрал телефонный номер банка. После восьмого гудка в трубке раздалось негромкое покашливание, и чей-то голос мягко спросил:

– Да?

– Здравствуйте, меня зовут Евгений, я буду общаться с вами и передавать начальству ваши требования. Я надеюсь, что вы разумный человек и мы с вами достигнем взаимопонимания. Как мне вас называть?

– Хера...

Переговорщик прикрыл трубку рукой и негромко прошептал сидящему рядом офицеру:

– Урод какой-то, начал общение с матерщины... похоже, день будет долгим...

– Я понимаю, что вы нервничаете, но всё же скажите: как мне вас называть?

– Хера!

Переговорщик опять зажал трубку рукой и разочарованно выдохнул в сторону:

– Крепкий орешек! Чувствуется подготовка... сучьи террористы...

– Хера! Хера!

– Вам удалось донести до меня эту мысль, успокойтесь, пожалуйста, давайте поговорим как разумные люди...

– Мама звала меня Хера, это уменьшительно-ласкательное от Херр-мэн.

– Понятно. Очень приятно... Хера (этот урод ассоциирует меня со своей мамой! Мы достигли прогресса!). Дорогой... Хера... чего вы хотите? При каких условиях вы готовы отпустить заложников?

¹ Организация, деятельность которой в России запрещена.

– Я хочу, чтобы вы включили громкую связь, я вижу на крыше вашей машины динамики...

– Уважаемый Хера! Вы же умный человек и должны понимать, что такие решения принимаются на другом уровне, более высоком, чем мой...

– Мне плевать! Сделайте это! Я должен обратиться к народу! Четырёхбуквенный Бог говорит моими устами!

В трубке пошли короткие гудки, переговорщик огорчённо хлопнул себя по колену и задумчиво посмотрел на коллегу.

– Что думаешь? Разрешат? Террористу вещать на всю страну? Вон, журналюги уже понабежали... Через минуту его бредни будут известны всему миру... С другой стороны, общался же Черномырдин с Басаевым... и ничего...

Переговорщик набрал номер и быстро заговорил в трубку:

– Эмоционально нестабилен... Религиозный фанатик... Да, говорил про четырёхбуквенного Бога, не знаю, что именно имеется в виду... Требуется громкой связи... Пока больше никаких требований не выдвигал... Да, товарищ полковник...

Положив трубку, переговорщик взъерошил потные волосы и набрал номер телефона банка.

II

У оцепления собралась огромная толпа. Банк находился на первом этаже девятиэтажного дома. Слева и справа от банка располагались аптеки, их сотрудники были эвакуированы. Местные жители возбуждённо гудели – такое происходит не каждый день! Так ведь можно и в телевизор попасть, и получить свои пять минут славы, о которых когда-то вещал придурочный белёсый поедатель кнедников. Уставшие от напряжённого ожидания полицейские вяло переругивались друг с другом. Из динамика на крыше полицейского спецавтомобиля донёсся сильный голос:

– Граждане! Друзья! К вам обращаюсь я! Меня зовут Херр-мэн, и я руковожу работой этого чудного банка...

Толпа ошарашенно выдохнула:

– Что? Руководитель банка взял в заложники своих же сотрудников?

– ...я твёрдо убеждён, что мы оказались в списке стран-дауншифтеров...

– Кого? Страна шарикоподшипников? А? – недопонял дед из толпы.

Полицейский из оцепления злобно сплюнул на асфальт.

– Ну ты глянь, всякий хер будет нас даунами называть! Передайте оперативникам, чтобы грохнули его во время штурма! Я в этом банке кредит брал, за такие проценты убивать надо!

– ...необходимо в корне менять систему образования... надо закрыть физико-математические школы...

Переговорщик удивленно сглотнул слюну.

– Что? Закрыть физматшколы? Террорист дело предлагает, мой старший в физматклассе учится, синий весь от учёбы... а лучше вообще все школы закрыть, чтобы как при царе – жили же люди без образования, и ничего, нормально...

– ...и по поводу процентов (словно услышав недовольного полицейского): мы никого не держим насильно, все, кому что-то не нравится, – идите на три буквы!

Толпа возмущенно вздохнула.

– ...в ВТБ! Идите в ВТБ!

Возмущённые граждане громко выражали своё недовольство:

– Что за козлина! Отделения «Гоп-стоп-банка» на каждом шагу, а ВТБ днём с огнём не сыщешь!

– Мы пенсии в твоём банке со времён Союза получаем, урод!

– ...я служу только одному Богу! Тому, чьё имя состоит из четырёх букв, и произносить его вслух нельзя! Но! Ради такого случая я произнесу его, и надеюсь, что он меня не покарает! Внимание! МБРР! Международный Банк Реконструкции и Развития!

В динамиках раздался громкий треск, затем что-то упало с тяжелым звуком, и наступила тишина. Толпа потрясённо замолчала. Какой-то дед прохрипел:

– Боженька оказался мстительный...

Из динамиков донёсся мелодичный девичий голос:

– Сотрудники полиции, зайдите в банк и заберите это... тело. Мы с ним закончили...

Не поверившие своему счастью полицейские осторожно вошли внутрь банка и обнаружили лежащего на полу террориста. Его голова была разбита цветочным горшком. Девочка-оператор (та самая, что курила перед входом) брезгливо морщилась и разминала кисть правой руки...

Херр-мэн Треф смаковал свой традиционный утренний тыквенный смузи, наслаждаясь пением великого Карузо. Карузо проклинал неблагодарное сердце, страстно, как подобает истому итальянцу. Херр-мэн закрыл глаза, и перед его мысленным взором предстал обнажённый брюнет, тело которого было покрыто изящно выстриженными узорами из волос. Волоса-

ные дорожки образовывали причудливые линии на мощном торсе атлета, несколько линий (на груди красавца) образовали логотип «Гоп-стоп-банка». Херр-мэн издал сладострастный стон и, опустив правую руку, стал теревить завязки своего халата. Брюнет издал мощный вздох и, раздувая ноздри, пропел с присущей итальянцам грацией:

– Ми-истер Чайник!

Перед изумленным взором Херр-мэна предстал кипящий чайник, из носика которого вырывались плотные клубы дыма. Чайник трясся и вибрировал так мощно, словно собирался взлететь. Херр-мэн понял, что приближается кульминация и чайник вот-вот закипит. Рот все-сильного руководителя банка приоткрылся, ниточка блестящей слюны свесилась с верхней губы, трясущиеся от страсти руки рвали полы халата в стороны, и в этот момент чей-то резкий голос рявкнул ему прямо в правое ухо:

– Какого хера ты делаешь, Треф?

Треф скорчил болезненную гримасу и поправил гарнитуру на правом ухе.

– И вам доброе утро, Святослав Ярополкович!

– Ты уже отпустил заложников, Хера?

– Что? Вы это о чём? Простите...

– Не прошу! Нашёл время развлекаться! Не мог подождать пару месяцев? А? Почему тебе надо было затеять всё это именно сейчас, когда до трансфера осталось всего ничего? А?

– Я... я не понимаю...

– Зато я понимаю. Последствия удара цветочным горшком сказываются? Позорник.

Треф сорвал гарнитуру с уха и яростно забегал по комнате, манерно заламывая наманикюренные ручки. Затем он включил телевизор и услышал окончание репортажа:

– ...полиция устанавливает детали произошедшего, пока что с уверенностью можно сказать только одно: драма с захватом заложников счастливо разрешилась. Пострадавших нет. Террорист, которым оказался известный руководитель крупнейшего банка в стране, знаменитый своими неадекватными высказываниями, задержан. Органам следствия предстоит квалифицировать очередную выходку эксцентричного банкира. Пока что мы можем лишь задаваться вопросами: была ли это художественная акция в духе венского акционизма? Или же это лёгкая придурь стареющего нувориша? Или рекламный ход, призванный привлечь дополнительных клиентов?

Камера показала разгромленный офис банка и тело самого Трефа, беспомощно лежащее на полу. Дюжий полицейский наступил на лицо банкира подошвой своего огромного сапога и с явным удовольствием позировал для камер. Треф почувствовал какую-то влагу в мощно вздувшемся междуножии и обнаружил, что вылил смузи на себя. Яростно швырнув стакан в стену, Треф начал судорожно теревить красную нить, обвязанную вокруг левого запястья. В его голове бешено (словно птица в клетке) билась одна простая мысль – пропал! Пропал!

Он схватил трубку стационарного телефона и, набрав секретаря, проорал в неё:

– Пресс-конференцию! Организуй! Срочно!

– Но... Херр-мэн...

– Ты. Меня. Понял? А?

– Д-да, но...

– Срочно!

...Конференц-зал «Президент-отеля» был переполнен журналистами. Люди стояли в проходах, у стен и толпились в дверях. Разномастная толпа выдыхала чудовищную смесь из запахов чеснока, перегара, жвачки, гнилых зубов и кишечных газов. Появление Трефа было встречено канонадой из щёлкающих затворов фотоаппаратов, вспышки камер слепили глаза банкира. Херр-мэн вдохнул спёртый воздух и почувствовал приступ дурноты. Услужливый пресс-секретарь (смазливый гей с ласковым взглядом телячьих глаз) быстро выхватил из кармана пиджака надушенный носовой платок и поднёс к лицу шефа. Побледневший Треф

постоял несколько секунд, напряженно дыша сквозь тонкую ткань, затем скомкал платок и решительно прошёл к столу, на котором были установлены микрофоны с логотипами ведущих информагентств. Неуклюже плюхнувшись на стул, банкир схватил стоящую перед ним бутылку с водой и попытался открутить крышку. Крышка оказалась тугой и не поддавалась, Треф с испугом посмотрел на красный след, оставшийся на коже ладони от рельефной поверхности крышки.

– Мистера Чайника позови! Он тебе плеснёт водички! – глумливо выкрикнул кто-то из журналистов, остальные встретили реплику дружным гоготом. Треф брезгливо поморщился и схватил ближайший микрофон отточенным движением порнозвезды, хватающей первый попавшийся поблизости член. Пресс-секретарь громко пропел:

– Господин Треф хочет сделать важное заявление!

Зал мгновенно ошетинился штангами микрофонов, словно македонская фаланга копьями. Подержав микрофон в угрожающей близости от своего рта (пресс-секретарь мягким движением загорелой руки отвёл микрофон на безопасное расстояние от лица шефа), Треф неожиданно писклявым голосом промолвил:

– Это... был не я...

Сначала засмеялась журналистка из Азии (сидевшая прямо напротив Трефа на первом ряду), затем смех прокатился по всему залу, и через несколько секунд все присутствующие зашлись в громком хохоте. Всюду, куда достигал взгляд Трефа, его встречали разинутые слюнявые пасти, трясущиеся от смеха. Некоторое время банкир молчал, сжав микрофон с такой силой, что на изящном запястье выступили голубоватые вены, затем он ещё раз проблеял:

– Это был не я...

Реплика прозвучала жалко и вызвала новый взрыв хохота в зале. Треф почувствовал предательское дрожание левой ляжки, затем задрожала правая сторона рта и задергался левый глаз. Издав негромкое подвывание, Треф вскочил со стула и попытался выбежать из зала. Пресс-секретарь широко расставил руки (как защитник в американском футболе) и попытался остановить Трефа. Херр-мэн внезапно надул щёки и обдал волоокого юношу фонтаном густой рвоты. Ошарашенный пресс-секретарь неловко плюхнулся на прокачанную в тренажерном зале попу. Треф выбежал из зала, сопровождаемый восторженным рёвом журналистов. Охранники (отворачивая лица в стороны, чтобы не вдыхать распространяемые шефом рвотные миазмы) подхватили незадачливого банкира под локти и вбросили в длинное тулово служебной машины. Треф положил перепачканные рвотой пальцы на плечо шофёра и, прорывав: «В Кр-р-ремл-ль!» – обессиленно упал на заднее сиденье.

III

Вдоль стен кабинета стояли заполненные книгами шкафы. За огромным столом, заставленным телефонами правительственной связи, неподвижно сидел человек с холёным бледным лицом. Выражение его лица было абсолютно бесстрастным. Человек неторопливо читал книгу, удерживая ее перед собой правой рукой и изредка бросая оценивающий взгляд на пальцы левой руки. Раздался мелодичный сигнал внутренней связи, и напряженный голос секретарши проинформировал хозяина кабинета о том, что к нему пытается прорваться (без предварительной записи!) Треф. Не меняя выражения лица, хозяин кабинета ровным голосом разрешил секретарше впустить внутрь непрошеного гостя. Растрёпанный (словно воробей после драки за кусок хлеба на помойке), со следами засохшей рвоты на пиджаке, с вытаращенными словно у вареного рака глазами, Треф выглядел дико. Он вбежал в кабинет и, ошалело озираясь, закричал фальцетом:

– Слава! Что за дела? Вы меня сливаете? А?

Хозяин кабинета спокойно дочитал страницу, положил закладку в книгу, захлопнул её и только затем обратил внимание на беснующегося гостя.

– Слава! Что происходит?

«Слава» грациозно встал, застегнул верхнюю пуговицу стильного пиджака и, негромко прокашлявшись, произнес ровным голосом:

– Для вас я не «Слава», а Святослав Ярополкович, будьте добры, обойдитесь без амикишонства.

Гостю было тесно в отведенных рамках, и он снова завизжал:

– Всё-о-о-о! Я – всё-о-о-о? Да?

Хозяин отвернулся от истеричного банкира, подошёл к огромному окну и негромко проворчал:

– Какого хера?

– Что? Что ты сейчас сказал? Как ты меня назвал?

– Я говорю, «какого прекрасного Херра» к нам занесло.

Треф подбежал к хладнокровному «Славе» и попытался схватить его за руку, «Слава» негрубо, но решительно высвободил руку и тут же протёр её влажной салфеткой, сопроводив свои действия словами:

– Ненавижу пожимать руки политическим трупам...

Треф рухнул на колени и забормотал:

– ... тебе ли не знать... что это был не я... Я всегда был верен... это не я... не я...

«Слава» потянулся вверх всем своим гибким телом и удовлетворённо кивнул, услышав громкий хруст шейных позвонков. Затем он покровительственно положил ладонь на голову Трефа и сказал:

– Херочка, а ты знал о том, что князь Владимир изнасиловал Рогнеду на глазах ее родителей, и после этого зажили они долго и счастливо? Иногда для того, чтобы осчастливить кого-то, надо его изнасиловать... Да. Мы не всегда понимаем, в чём оно, наше счастье... Наш народ, русский народ, наш народ прекрасен, миролюбив, терпелив, покладист, но есть у него одна слабость – любит он, да что там любит – обожает, когда представителей элиты жарят на медленном огне... Ты знал о том, что каждый судебный процесс над коррупционерами вызывает у наших людей приступ бешеной, лютой радости? Нет, не знал? Теперь знаешь...

Треф громко взвизгнул:

– Так вы меня на съедение отдадите этим... животным... этим быдланам?

«Слава» убрал длань с головы банкира и неспешно вытер её о плечо Херрова пиджака.

– Ну зачем же так. Это грубо. Ты не любишь наш народ? Ай-ай, Херочка! Стыдно. Должно быть.

– Мне? За что? Мой банк демонстрирует самую высокую доходность! В рейтинге мы стоим...

– Да, да, я всё это знаю...

– Но... так нельзя! Я же свой! Вы меня... казните? Или... выведете из Боровицких ворот и отдадите им...

– Мы всё сделаем изящно. Мы разыгрываем долгую шахматную партию, и в этой игре приходится жертвовать некоторыми фигурами. Чем фигура крупнее, тем выше рейтинг. Самых вкусненьких мы приберегли напоследок, а для затравки сойдёшь и ты...

– Так я у вас что-то вроде пешки, так, что ли? – неожиданно злобно прокричал Треф.

«Слава» громко рассмеялся, продемонстрировав отличные ровные зубы.

– Не льсти себе, Херочка!

– Но почему? За что?

– Один умный грек сказал: если тебе на голову падает черепаха, подними голову и увидишь орла...

– Что за бред?! Какие черепахи?! Что со мной будет?

– Черепаха очень даже при чём, Херочка. Ты всегда отличался лёгкой степенью неадекватности. Твой банк не работает в Тавриде, а ты прекрасно знаешь: для Папы вопрос принадлежности Тавриды – ключевой...

– Да я не дурак! Я специально не работаю там, чтобы не подставлять страну под новые санкции!

«Слава» сделал несколько шагов назад и некоторое время пристально рассматривал стоящего на коленях банкира. Затем он громко скрипнул зубами и сказал:

– Это большая ошибка – считать всех окружающих дураками. Вот эту чушь про санкции побереги для журналистов, меня не надо кормить подобными глупостями... Херочка, ты помнишь речь Милюкова? Ту самую, знаменитую. Про «глупость или измену». Помнишь? Вот мы всюду пытаемся видеть измену, но, глядя на тебя, я понимаю, что чаще всего мы имеем дело с банальной глупостью...

– Ладно! Допустим, что я чего-то не понимаю, допустим, что я даже не пешка, допустим! Но ведь я очень много знаю! Если я заговорю, то тогда...

– Мы тебе напомним, что у тебя есть жена и сын. Я пытаюсь донести до тебя простую мысль, но, по-видимому, мне не хватает красноречия. Нам нужно обеспечить безболезненный трансфер власти, подчёркиваю: безболезненный!

– Что будет со мной?

– С тобой... Ты выпадешь из... информационного пространства. Ты же знаешь, информационный повод живёт девять дней. В эти девять дней о тебе будут говорить и писать везде. Твоя фамилия станет нарицательным, синонимом глупости и пошлости. А затем какая-нибудь дура вывалит на всеобщее обозрение дряблую грудь, или же очередная опухшая от пьянства балерина наградит матушку землю «поцелуем Сволочковой», и о тебе забудут...

Треф подполз поближе к собеседнику и, нежно прижавшись головой к его брючине, со страстью в голосе прошептал:

– И всё? Значит, я могу надеяться...

– И плюс ко всему, и фамилия у тебя не кошерная! Треф!

Лицо банкира испуганно вытянулось.

– Шутю. Я тебя больше не задерживаю. Ты свободен... относительно свободен.

Треф трогательным жестом комнатной собачки потёрся лицом о ногу всемогущего собеседника и, стараясь придать своему лицу лукавый вид, спросил:

– Слава... открой секрет – как вы это сделали? Ведь это же был не я... А?

«Слава» покровительственно потрепал банкира по холке.

– Шалунишка! Всё-то тебе надо знать! Помучайся в неведении, зачем тебе знать то, чего тебе знать не надо? Ползи вон туда!

Оставив своего собеседника в замешательстве, «Слава» сел за стол и вновь погрузился в чтение.

IV

Виктор Петрович Солдатов с детства любил бывать на Красной площади. В ноябре 1985 года его мама, простая школьная учительница, получила приглашение на ноябрьский парад. Виктор Петрович на всю жизнь запомнил то чувство восторга, которое он, первоклассник, испытал в тот день. Они с мамой стояли слева от мавзолея и хорошо видели генералов, космонавтов, партийных руководителей, густо облепивших мавзолеей. Виктор Петрович помнил тот чудный миг, когда на трибуну мавзолея поднялся человек в фетровой шляпе и приветливо помахал рукой всем, кто собрался на площади. И ему, Вите Солдатову, помахал, и Витя с мамой весело замахали в ответ. Тогда, в ноябре восемьдесят пятого, человек в шляпе ещё пользовался бешеной популярностью. Он пришёл к власти очень вовремя, на контрасте со слабыми и больными предшественниками, он казался молодым, энергичным и умным. Ощущение ума очень быстро исчезло, затем потихоньку испарилась энергия, и в декабре девяносто первого обладатель шляпы являл собой образец типичной жертвы энтропии. Всеми презираемый и брошенный, он еще несколько дней пытался изображать руководителя государства, которое уже не существовало. Но это будет позже, а в ноябре восемьдесят пятого Витю поразила мощь, исходившая от тягачей, провозивших по площади ракеты. С утробным рычанием катились по брусчатке грузовики с техникой, из люков бронемашин грозно смотрели лица офицеров, чётко чеканя шаг, прошли подразделения десантников... Такой уверенностью, такой силой веяло от этих людей, что маленький Витя почувствовал, будто кто-то огромный несильно сжал его своей мощной ладонью, поднял высоко-высоко вверх и шепнул на ухо три заветных слова, от которых у него сначала закружилась голова, а затем наступило умиротворение и спокойствие. В тот момент Витя понял, что эти люди никогда не допустят, чтобы кто-то навредил ему или его маме, и мальчику стало тепло и уютно, несмотря на холодный ноябрьский день...

Прошло много лет, и вот Виктор Петрович стоял на когда-то родной ему площади и не узнавал её. Ему казалось, будто бы кто-то выпустил из пространства над площадью весь воздух. Стены, храмы, мавзолеей – всё было подёрнуто какой-то дымкой, казалось нереальным, смутным. Мимо проходили люди с уставшими злыми лицами, радостно лопотали по-своему многочисленные китайские туристы. Куранты начали свой привычный бой, и Виктор Петрович с изумлением увидел, что стрелки часов на Спасской башне с бешеной скоростью крутятся в обратном направлении. Задыхаясь, Виктор Петрович рванул воротник рубахи, но он не подавался. Огромный клуб дыма вырвался из Боровицких ворот, и Виктор Петрович с ужасом увидел, как привычный с детства образ башни дрожит, слоится и рассыпается на отдельные фрагменты. Взрывная волна сорвала шляпу с головы Виктора Петровича, и хохочущий китаец-турист погнался к Историческому музею пинками коротеньких ног, радостно прикрикивая:

– Пе-ге-стгой-ка! Пе-ге-стгой-ка!

От Васильевского спуска к мавзолею бежал молодой парень в спортивных трусах и майке белого цвета. Парень держал в руках красное знамя, полотнище красиво развивалось на ветру. Зачарованный грациозными движениями сильного молодого тела, Виктор Петрович смотрел на бегуна, не моргая и затаив дыхание. Не дав знаменосцу добежать до мавзолея, его сбил с ног огромный полицейский, надёжно защищённый прозрачным пластиковым щитом, шлемом, наколенниками и налокотниками. Полицейский стал жестоко избивать парня, нанося ему чудовищной силы удары дубинкой. Каждый удар вызывал фонтаны кровавых брызг. Виктор Петрович попытался закричать, но крик застрял где-то у него в горле. Тогда Виктор Петрович попытался броситься парню на помощь, но ноги его позорно заплелись и он упал лицом прямо на выпуклые камни брусчатки. Голова налилась бетонной тяжестью, Виктор Петрович с большим трудом оторвал её от выпуклого камня, и в этот момент полицейский бросился на него. Размахивая дубинкой, он пробежал мимо изумлённого Виктора Петровича, липкий кровавый

сгусток упал прямо на лицо лежащему старику. Виктор Петрович широко открыл рот и пытался сдуть алое пятно со своего лица, в этот момент могучим порывом ветра тяжелые базальтовые плиты мавзолея сдуло куда-то в сторону, кремлёвские башни взлетели вверх так легко, будто бы на них не действовала сила притяжения. От ужаса Виктор Петрович дико закричал и вскопчил на своей постели, обливаясь дурным липким потом. Из коридора маленькой хрущевской квартиры настойчиво звучал звонок стационарного телефона. Путаясь в завязках старческих кальсон, Виктор Петрович добежал до телефона и, зябко переступая босыми ногами на ледяном полу, просипел в трубку:

– Да? Говорите!

– Алло, здравствуйте! Я говорю с Виктором Петровичем Солдатовым? – вежливый мужской голос придал Виктору Петровичу уверенности.

– Да. Это я.

– Я звоню вам по поручению вашего знакомого, – голос назвал фамилию человека, с которым Виктор Петрович не виделся лет тридцать. Виктор Петрович удивленно моргнул и спросил:

– А он что, ещё жив? Простите за вопрос...

Голос референта изменился, и Виктор Петрович понял, что его собеседник улыбается.

– Вы правы, он, к сожалению, скончался, но его сын жив и здоров и не забыл того, что вы сделали для его отца. Он очень, очень хочет встретиться с вами. Сегодня в три часа вам будет удобно? Или лучше в пять?

Виктор Петрович почесал пальцами правой ноги лодыжку левой, сглотнул подступивший к горлу комок и неуверенно пробормотал:

– Ну, давайте в пять...

– Замечательно, в половине пятого машина будет ждать вас у подъезда.

Виктор Петрович повесил трубку и некоторое время простоял, недоуменно глядя прямо перед собой. Человека, фамилию которого назвал ему неведомый собеседник, Виктор Петрович последний раз видел в октябре девяносто третьего года. Осколок от снаряда, пущенного бравым танкистом по зданию Белого дома, накрепко засел в бедре человека, встреченного Виктором Петровичем на двадцатом этаже Белого дома. Виктор Петрович спешил и хотел переступить через лежащего на полу человека, но тот так крепко вцепился окровавленной рукой в правую брючину Виктора Петровича и в глазах его была написана такая мольба, что устоять было просто невозможно. Виктор Петрович крепко перетянул бедро раненого своим ремнем, взвалил его себе на спину и вынес из Белого дома. Чудом они остались живы, спрятавшись среди тел, расстрелянных на стадионе «Красная Пресня». Виктор Петрович с большим трудом сдержал себя, слушая пьяные песни распоясавшихся омовцев, праздновавших победу рядом с телами убитых. Ночью, когда хмельные победители утихомирились, Виктор Петрович вытащил раненого и довёз его до Белорусского вокзала, откуда на электричке они доехали до Сушкинской, где у Виктора Петровича была крошечная квартирка в кирпичном трёхэтажном домике. Неделю он выхаживал раненого, затем хромящего мужчину забрала приехавшая на машине жена. Перед отъездом товарищи клялись друг другу в вечной дружбе и обещали помогать в любых ситуациях. С тех пор прошло тридцать лет, и Виктор Петрович забыл об оказанной услуге. Мысль о том, что через несколько часов он увидится с сыном своего боевого товарища, неотступно преследовала его на протяжении всего дня. Он сто раз пожалел о том, что согласился на пятичасовое randevu – время тянулось мучительно медленно, казалось, что оно разбилось на длинные ремни из плотной резины, которые хлопают, звенят от напряжения, но никак не могут порваться. Виктор Петрович попробовал читать, но строчки прыгали перед глазами словно взбесившиеся мухи. По телевизору шли высокоинтеллектуальные шоу, участники которых яростно искали ответы на важнейшие вопросы современности: спал ли Анатолий с Ольгой или нет? От кого Ольга родила умственно отсталого сына? От Анатолия, в роду

которого убийцы были, а самоубийц не было, или же от Ивана, отец которого сошёл с ума и зарубил всю свою семью, кроме спрятавшегося на балконе сына?

Виктор Петрович ощутил приступ отчаяния и выключил надоевший прибор. Его взгляд остановился на бутылке водки, одиноко стоявшей на кухонном столе. Может быть, стоит выпить? Для успокоения нервов и... Нет! Являться пьяным к сыну своего товарища, да ещё на первую встречу, – это безнравственно и пошло. Пережив таким образом всю гамму чувств – от воодушевления до отчаяния, – к четырём часам Виктор Петрович достиг состояния блаженной отрешённости и мог бы сравниться (в своём спокойствии) с самим Гаутамой. Длинный чёрный автомобиль представительского класса долго вёз Виктора Петровича по каким-то закоулкам и наконец остановился у невысокого здания, искусно скрытого от нескромных взоров небольшим парком из густо ветвившихся деревьев. Огромный охранник услужливо открыл перед Виктором Петровичем тяжелую дубовую дверь, и Виктор Петрович с трудом поборол желание потреть щеку по щеке, а затем оставить ему на чай. Внутри помещение оказалось больше, нежели оно представлялось снаружи. Здесь пахло какими-то изысканными благоуханиями (зажмурив глаза, Виктор Петрович представил себе ряд миниатюрных японок, одетых в традиционные кимоно), и негромко играла музыка (вариации Гольдберга в исполнении Гленна Гульда, отметил про себя Виктор Петрович и невольно усмехнулся – вкус хозяина помещения совпадал со вкусом одного широко растиражированного киноманьяка). Виктор Петрович в нерешительности замер и в этот момент увидел слабый лучик света, робко пробивающийся из-под двери, расположенной справа от входа. Решительно дёрнув дверь на себя, Виктор Петрович смело шагнул внутрь и замер в нелепой позе, глупо приоткрыв рот. Перед ним стоял человек, лицо которого было известно всем, кто хоть чуть-чуть интересовался современной российской политикой. Его считали серым кардиналом Кремля, его наделяли сверхъестественным влиянием на первых лиц государства, ему приписывали чудовищную изощрённость и коварство, его считали творцом нынешнего политического режима. Периодически он выступал в СМИ с какой-нибудь резонансной статьёй, доводившей так называемую либеральную общественность до бурного сквирта (если пользоваться терминологией порнографов, чьё искусство является таким же нравственным, как и искусство политиков). Его идеи о «суверенной демократии», «долгом государстве» вызвали бурные дискуссии в среде политологов и будоражили сознание политических фриков годами. Патриоты обвиняли его в сдаче интересов государства иностранным державам, так называемые либералы ставили его на одну доску с Гитлером. Виктор Петрович инстинктивно сделал шаг назад и с трудом выдавил из себя:

– Это какая-то ошибка... Я не туда попал...

Хозяин помещения приветливо улыбнулся и протянул Виктору Петровичу большую тёплую ладонь. Его рукопожатие было в меру сильным, в отличие от некоторых людей, любящих сплющивать руку собеседника при пожатии, он на миг сжал руку старика, продемонстрировав недюжинную силу, и тут же ослабил хватку.

– Никакой ошибки здесь нет, вы приехали именно туда, куда нужно.

Виктор Петрович замешкался.

– Но... ваша фамилия...

– Моя настоящая фамилия... – хозяин назвал фамилию, которую носил спасённый Виктором Петровичем из Белого дома товарищ.

– Ах да, – опомнился Виктор Петрович, – я же об этом слышал (об этом слышали все, но никто не знал, соответствует ли это действительности).

– Присаживайтесь, Виктор Петрович, – хозяин радушно усадил гостя в огромное кожаное кресло, – выпить не предлагаю, знаю, что вы этим не увлекаетесь... Виктор Петрович, давайте мы не будем заниматься тем, что на Востоке называют «чесать мелкую шерсть», и сразу перейдём к делу. Вы нужны Родине!

При этих словах Виктор Петрович почувствовал тянущую боль под правой лопаткой (именно туда он получил ранение в тот последний раз, когда он был нужен Родине).

– Нам с вами повезло жить в чудесную, исключительную эпоху! На наших глазах с громким треском рушится система либерального мирового порядка – брекзит, «желтые жилеты», рост популярности правых в Австрии и Германии – всё это симптомы наступления новой эпохи, эпохи новой феодальной раздробленности в Европе. Пронырливые торгаши, люди «короткой воли» теряют власть, на смену им приходят прагматики...

Виктор Петрович с тоской вспомнил незабвенное «а жулик он, кажется, большой».

– ...в этой ситуации наша страна представляет собой островок стабильности...

«Чего он со мной как на митинге?» – подумал Виктор Петрович, а его собеседник, внимательно следивший за Виктором Петровичем, уловил что-то в выражении его лица и, приблизившись на расстояние, которое в психологии называют интимным, и понизив голос до шёпота, произнёс:

– Не пройдёт и полгода, как политическая ситуация в стране кардинально поменяется. Пост президента станет формальностью, sinecurой. Полномочия перейдут к реформированному государственному совету, своеобразному аналогу совета старейшин. Будет проведена конституционная реформа, которая позволит нашей стране и в дальнейшем демонстрировать спокойствие в этом бурном политическом океане. Предвижу ваш (совершенно справедливый) вопрос – при чём здесь я? Очень даже при чём! О реформе известно давно, и либералы хотят использовать открывшееся окошко возможностей для реванша. Они хотят провести своих людей на ключевые должности, взять под контроль финансово-экономический блок и осуществить тотальную сдачу государственных интересов в угоду западному корпоративному капиталу. Сделка будет включать отказ нашей страны от права вето в ООН, контроль западных стран над нашим ядерным оружием, прямое управление страной ставленниками запада, следование инструкциям МВФ, с последующей ликвидацией России как субъекта международного права и передачей территории Сибири и Дальнего Востока под мандатное управление Китаю и США. Вы спросите: а как же Папа? Отвечаю. Он устал, и Большая Игра уже не приносит ему былой радости – нет достойных противников, так, какая-то мелюзга беспозвоночная копошится у ног... Да и возраст уже сказывается... После реформы Папа займёт какую-нибудь незначительную должность и фактически удалится от дел. Я вам больше скажу, уважаемый Виктор Петрович, уже завтра будет объявлено о создании переходного правительства, которое будет действовать до момента окончания реформы. Папы в нем не будет. В ваших глазах я опять читаю невысказанный вопрос (должен заметить, что вы – прекрасный собеседник!): какое отношение это имеет к вам? Отвечаю! Выборы в Государственный совет будут проходить по смешанной системе, и повлиять на выборы по партийным спискам вы не сможете, а вот в одномандатных округах у вас и ваших сторонников очень хорошие шансы на победу. Да-да, не надо смотреть на меня так, как Ленин на буржуазию, я всё знаю, я знаю о ваших политических взглядах и разделяю их! (При этих словах хозяин кабинета так сильно сжал правую руку Виктора Петровича, что вызвал гримасу боли на его лице. «Похоже, что он припадочный», – мелькнула в мозгу Виктора Петровича шальная мысль.) Наша с вами задача – провести как можно больше представителей левопатриотических сил в Государственный совет, нам надо полностью переформатировать политическую систему России, мы не клоуны в цирке Барнума, по заветам которого живёт западный политикум, мы, не побоюсь этого слова, патриоты! Пользуясь вашим авторитетом в левых кругах, вы должны найти новые лица, воплощающие идею новой России, свободной от дешёвых демократических иллюзий. В ваших глазах я читаю новый вопрос – о, вы опасный собеседник, Виктор Петрович! Что от этого выиграете лично вы? Резонный вопрос! В данный момент рассматривается возможность декриминализации статьи, по которой обвиняется ваш сын...

Виктор Петрович ощутил мгновенный приступ дурноты, как будто бы в сердце ему воткнули длинную тонкую стальную иглу и стали её аккуратно проворачивать из стороны в сторону, испытывая его на крепость. Сын Виктора Петровича находился под следствием, это была его (Виктора Петровича) постоянная и ноющая боль.

...и в случае успеха нашего совместного предприятия я смогу посодействовать ускорению процесса его освобождения. Новой России нужны горячие неравнодушные молодые люди, каким, несомненно, является ваш сын. Это минимум того, что я могу и должен сделать для человека, спасшего жизнь моему отцу...

Виктор Петрович почувствовал глубокую тоску – человек, стоявший перед ним, был опытным манипулятором и оказывал на Виктора Петровича мощное давление, используя традиционное сочетание кнута и пряника. Что делать в такой ситуации: вежливо отказаться и оставить Васю (сына) гнить в тюрьме? Согласиться и в очередной раз быть обманутым?

– Отдаю должное вашему уму, дорогой Виктор Петрович, поскольку вижу нотку сомнения в ваших глазах и чувствую невысказанный упрек: а не пройдем ли мы? Не обманут ли меня опять? Да! Гарантий у вас нет никаких, вы действуете на свой страх и риск, поскольку дело очень щекотливое, с моей стороны могу пообещать неограниченные материальные ресурсы и возможность ссылаться на меня в случае возникновения затруднений, хотя, – за этим последовала тонкая ироничная улыбка, – моя репутация настолько плоха как среди правых, так и среди левых, что использование моего имени может вам только навредить. Вот вам номер моего телефона, звоните в любое время, всегда готов вам помочь. Очень приятно было с вами пообщаться, очень!

Хозяин кабинета мягко, но настойчиво проводил Виктора Петровича до двери и захлопнул за ним дверь. Виктор Петрович вышел из особняка и с наслаждением вдохнул морозный воздух. Водитель услужливо приоткрыл перед ним дверь лимузина, но Виктор Петрович коротким жестом отказался от его услуг – пройдуся, спасибо. Морок, навеянный энергичным хозяином кабинета, никак не хотел рассеиваться. «Что от меня хочет этот человек?» – этот вопрос терзал Виктора Петровича. Очевидно, что за его словами скрывается какой-то злой умысел, какой-то коварный план... но какой? Человек циничный, абсолютно беспринципный, и никакого дела до судьбы левого движения ему нет. Да и левого движения нет. Есть отдельные маргинальные группки, ни одна из которых не в состоянии объединить вокруг себя сколько-нибудь значимые народные массы.

Виктор Петрович вышел на Пречистенку и неспешно дошёл до Комсомольского проспекта. Здесь, в здании Союза писателей, находилась редакция газеты, руководитель которой был широко известен как «соловей Генштаба», певец советской технократии, сторонник идей русского космизма... Страстный оратор, гениальный писатель, уникальный мыслитель, мечтающий органично соединить Белую и Красную Россию, осуществить прорыв к вековой русской мечте, воплощённой в проекте «Бурана», именно к нему следовало обратиться за советом в данной ситуации. Кто, как не он, знает расстановку сил в современном левом движении?

Виктор Петрович вошёл внутрь здания, прошел мимо седобородого, иконописного вида старца, торгующего православной и эзотерической литературой, повернул налево и оказался в прокуренном коридорчике, ведущем к кабинету Писателя. Виктор Петрович пошёл прямо к кабинету, но был остановлен окриком из комнатушки, находившейся слева от коридора. Пол комнатушки был густо уставлен исполнявшими своё предназначение винными и пивными бутылками. За компьютером сидел мужчина с длинными невымытыми волосами и худым аскетичным лицом, похожим на сушёную сливу. Мужчина выставил в сторону Виктора Петровича грязный указательный перст и строго спросил:

– Вы куда?

– Туда, – Виктор Петрович мотнул головой в сторону кабинета, из недр которого донёсся взрыв хохота.

– Нельзя! – строго промолвил невымытый апостол. – У него важная встреча! – и, уверенный в том, что подобного объяснения достаточно и непрошенный гость поймёт всю нелепость своих притязаний, вновь уткнулся в монитор. Виктор Петрович рванул дверь кабинета на себя и отшатнулся, вдохнув свирепое облако табачного дыма, вырвавшееся наружу. Внутри было многолюдно, «встреча» достигла того момента, когда общая беседа разбивается на отдельные несвязные разговоры. Стол был уставлен бутылками и тарелками с нехитрой закуской. Писатель сидел прямо под почерневшей от времени иконой и сжимал мощной дланью гранёный стакан. Он рассеянно скользнул по пришедшему хмельным взором и продолжил начатую фразу:

– ...запад погряз в скверне, и только Россия является защитницей традиционных ценностей! Мы – космический народ! Нас может объединить только теория Общего дела!

Виктор Петрович понял, что пришёл не вовремя, и отступил назад, в коридор. Решив отложить визит к Писателю на потом, Виктор Петрович отправился к Бледному Вождю.

V

С трудом разлепив веки, скованные тяжёлым муторным сном, Виктор Петрович сел на постели, сопроводив свои действия протяжным вздохом. Включённый телевизор демонстрировал лучшее позитивом лицо диктора.

– ...таким образом, президент объявил о своём уходе в отставку по состоянию здоровья. Согласно действующей конституции его обязанности временно будет исполнять премьер-министр. В конституцию будут внесены поправки, превращающие Россию в парламентскую республику... Ожидается перераспределение полномочий органов исполнительной власти... Президент будет осуществлять только представительские функции... Вся полнота власти перейдёт в руки членов Государственного совета, выборы в который пройдут в марте следующего года... Учитывая перераспределение властных полномочий, ключевой фигурой в политической системе станет председатель Государственного совета, личность которого может удивить весь политический бомонд... Также эксперты прогнозируют сокращение числа политических партий и создание двухпартийной системы, введение государственной идеологии, укрупнение регионов...

Виктор Петрович удовлетворённо почесал в затылке – хоть в этом его не обманули!

Наскоро перекусив, он поехал к Бледному Вождю. Дверь квартиры народного витии была открыта. Внутри царило оживление. Странники Бледного Вождя праздновали уход президента с политической сцены, распивая шампанское из пластиковых стаканчиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.